

DOI: 10.31857/S032103910001686-7

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ИСТОРИК И ЕГО ВРЕМЯ¹

С.С. Казаров. А. Д. Дмитрев и развитие антиковедения на Дону. Ростов-на-Дону—Таганрог, 2018. 102 с.

Небольшая книжка готовилась автором на протяжении четверти века и построена на собранных по крупицам сведениях о жизни и научной деятельности Александра Дмитриевича Дмитриева (1888–1962) — ученого, известного главным образом серией статей о народных движениях в Римской империи. Понятно, что эту работу уместнее всего отнести к жанру мемориальной историографии, который концентрируется больше на судьбе, чем на эпохе, уделяет особенное внимание географии (местам работы) и в целом позитивно оценивает научный вклад главного героя — иначе зачем было бы посвящать ему монографию. У этого жанра есть свои достоинства и недостатки, и мы сразу подчеркнем, что книге С.С. Казарова удалось почти по максимуму использовать первые и смягчить вторые. Кроме того, во второй части нашего обзора мы укажем на то, какие возможности эта книга благодаря введению в оборот новых материалов дает для лучшего понимания советской историографии в целом.

К очевидным достоинствам работы следует отнести использование материалов из разнообразных источников, начиная от киевской периодики дореволюционного периода и заканчивая архивами Ростовской области, Южного федерального университета и Черновицкого национального университета; автор книги работал в столичных и провинциальных библиотеках России и Украины, а кроме того, беседовал с учениками и коллегами Дмитриева, большинства из которых ныне уже нет в живых (с. 9). Благодаря этому удалось восстановить основные вехи биографии провинциального ученого, положить начало составлению по возможности полного списка его трудов (с. 99–100). Учитывая то, что после смерти Дмитриева его вдова и дочь переехали куда-то в УССР (с. 80), многих деталей, которые так удачно сохраняет именно личный архив, мы можем не узнать никогда, и поэтому усилия проф. Казарова по созданию целостного образа историка, ушедшего полвека назад, сложно переоценить.

Первая глава «Становление ученого» (с. 11–45) рассматривает не только ранние годы, начиная с обучения в Киевской духовной академии и стажировки в Русском археологическом институте в Константинополе, но также работы по критике религии 1920–1930-х годов и серию популяризаторских брошюр об украинских народных движениях. Справедливо предположение о том, что Дмитрев происходил из семьи священника: Казаров обнаружил упоминание о протоиерее Дмитрие Дмитриеве в «Киевских епархиальных ведомостях» за 1905 г. К этому мы можем добавить, что отца Дмитриева звали Дмитрий Федорович и он был жив в начале Первой мировой войны². Кроме того, есть косвенное указание на то, что у одного из своих учителей Ф.Г. Мищенко молодой Дмитрев был отнюдь не на лучшем счету³.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МД-223.2017.6.

² Богуславский, С.М. *Весь Киев: адресная и справочная книга. На 1915*. Киев, 1915. С. 307, 314.

³ Sukhova 2015, 231: «Дмитрева приписали к кафедре Мищенко, хотя Мищенко хотел сплавить Дмитриева ко мне», — писал в частном письме преподаватель Киевской духовной семинарии Н.П. Пальмов. В этой публикации, правда, имя передано как «Л.Д. Дмитриев», но здесь, видимо, техническая ошибка.

Некоторые детали, которые приводятся в монографии, для большой науки вряд ли пригодны, но по-человечески интересны и характерны: например, то, что герой книги не любил, когда его фамилию искажали как «Дмитриев» (с. 11)⁴.

Вторая глава «А.Д. Дмитриев — ученый-антиковед» (с. 46–95) рассказывает в трех параграфах о разработке историком проблем классовой борьбы Римской империи, о концепции «революционных работ» и о его научной школе. По поводу первых двух параграфов пока отметим лишь, что их было бы логичнее поменять местами: читателю, особенно не знакомому с сутью вопроса, сначала удобнее узнать о том, как возник сам пресловутый термин, а уже потом оценить вклад Дмитриева. Что касается третьего параграфа, то он, опять же, заслуживает большого внимания благодаря собранному редким данным о влиянии Дмитриева на развитие антиковедения на юге СССР.

Вторая глава получилась столь же интересной, сколь и неровной. В конце первого параграфа приведены данные о защите Дмитриевым докторской диссертации, оппонентами которой были М.В. Левченко, О.Л. Вайнштейн и С.И. Ковалев. Увы, сообщаются только их положительные и максимально общие характеристики работы Дмитриева: то, что сохранилось в архиве Черновицкого университета (с. 68); возможно, критических замечаний (обычно самого интересного) мы не узнаем никогда. Что касается третьего параграфа, то автор нередко использует слово «школа» в кавычках, но вне зависимости от наличия или отсутствия кавычек оказывается довольно трудно говорить о том, что Дмитриев создал какую-то традицию: автору монографии удалось узнать, что его герой сильно поспособствовал защите в Ростовском университете одного аспиранта из Одессы в 1954 г. (с. 81–86); кроме того, у Дмитриева было два собственных аспиранта, первый из которых защитился в 1955 г. по «сулланской реакции» (с. 88), второй — по античной Испании в 1966 г., т.е. уже после смерти Дмитриева и под руководством С.Л. Утченко (с. 91–92). Еще один бывший студент Дмитриева писал диссертацию у А.Г. Бокщанина (с. 94). Ни преемственности идей, ни узнаваемой методики работы, которая лежала бы в основе общения этих немногих учеников с учителем, С.С. Казаров не прослеживает. По нашему мнению, это как раз тот случай, когда нужно прямо писать о том, что научная школа не сложилась — хотя разнообразие современных схолярных теорий, увы, таково, что позволяет обосновать и любую другую точку зрения.

К сожалению, в книге много опечаток. Условия, видимо, не дали возможности опубликовать и никаких приложений — собранных фотографий или наиболее интересных документов (качественная полиграфия в этом случае заметно повышает себестоимость издания, а некачественная бесполезна).

Хорошо известно, что историк науки, занимаясь той или иной персоналией, начинает испытывать определенную симпатию к своему герою, даже если поступки этого героя не всегда дают повод для нее. Важно, чтобы эта симпатия не закрывала ни от автора, ни от читателей основных характеристик деятельности героя биографии. Поэтому важно подчеркнуть, что перед нами совсем не апологетическая работа: критику отдельных нелогичных и странных выводов у Дмитриева автор монографии дает, хотя, на наш взгляд, она могла быть и более развернутой. Например, когда Дмитриев говорит об антирабовладельческом характере восстания вестготов в 376 г., а потом сам же упоминает о том, что вестготы захватывали рабов (по его версии, только из числа богатых и знатных)⁵, — это показательное противоречие, потому что оно указывает на поверхностность аргументации историка. Это вообще черта творчества Дмитриева, особенно 1940-х годов: он умел собрать широкий круг аргументов и данных из источников, зато их трактовка была однобока и однообразна, даже по меркам тех лет. Тем не менее главное в книге сказано ясно: иногда Дмитриев фактически фальсифицировал данные источника (с. 72).

Казаров отмечает полемический характер работ своего героя, резюмируя это следующими словами: «Все в духе того времени, в котором он жил» (с. 97). То есть опять же автор книги выбрал позицию, возможно, и не во всем безупречную, но нам хорошо понятную: не надо судить историка за то, что было нормой в его время. И если нужно выбирать между восклицаниями о разложении историков сталинской эпохи и сдержанностью в оценках, то выбор вполне очевиден.

Но ведь отказ от оценок вообще — не единственная альтернатива морализаторству в историографии: можно анализировать поведенческие стратегии, сопоставляя траекторию

⁴ Опасения были небеспочвенными: и по сей день фамилию искажают, в том числе зарубежные коллеги; см. Terrar, Richards 2015, 390; Hidalgo de la Vega 2007, 332.

⁵ Dmitrev 1950, 72, 74–75.

одного ученого с теми, которые прошли его современники. С этой точки зрения, рецензируемая работа дает нам материал для размышлений, который при некотором дополнении складывается во вполне оригинальный пример творческого пути провинциального историка сталинской эпохи. Можно сказать, что научный путь Дмитрева — это упрямые попытки быть в самой гуще потока, которые постоянно приводили к тому, что он оказывался на его берегах.

Следует ли это называть приспособленчеством? Факты рисуют нам сейчас следующую картину: обладающий далеко не лучшим для советского строя социальным происхождением (и не вполне прозрачной биографией в годы Гражданской войны⁶), но при этом и классическим образованием с религиозным уклоном (позже его работы всегда отличало хорошее знание источников по ранней истории церкви) автор стремится сделать карьеру уже в новой системе образования. Он пишет целую серию антирелигиозных брошюр, благодаря чему входит в общение с А.Б. Рановичем⁷ (а позднее, возможно, и С.И. Ковалевым), а также начинает интересоваться освещением народных восстаний XVII в. на Украине. У него хлесткий стиль в духе публицистики тех лет (которая нередко прорывалась и в научные труды) и, при отмеченном в книге знании источников, уже тогда достаточно своеобразное отношение к ним.

Характерный пример. Казаров пересказывает (с. 24) упомянутый Дмитревым в одной из его антирелигиозных работ эпизод из «Истории» Геродота (*Hdt.* III. 11, у Казарова ошибочно III. 2) о том, как греческие и карийские наемники Псамметиха выпили кровь детей, смешанную с вином и водой. Дмитрев, не смущаясь, комментирует: «Эта смесь, по их верованию, должна была сделать их храбрыми воинами»⁸. При большом желании и совершенно неосмотрительном применении пресловутого метода пережитков, конечно, можно трактовать слова Геродота как намек на жертвоприношение, но весь контекст отрывка указывает на исключительность события, на то, что проделано это было с детьми (или сыновьями — смотря как трактовать *παῖδες*) предателя Фанеса нарочито на глазах последнего, и это был акт символический, а не религиозный (вне зависимости от того, верить ли вообще в эту легенду). Всех этих деталей предсказуемо не сообщает читателю Дмитрев, но совершенно напрасно не оговаривает этого и Казаров, ведь здесь очень хорошо видна общая черта работы Дмитрева с источниками: если ему было нужно, он игнорировал контекст.

Во второй половине 1930-х годов оказалось, что эти усилия завели Дмитрева в тупик: его работы по истории позднего средневековья отмечены следованием идеям школы М.Н. Покровского, над которой теперь сгущались тучи, и было безопаснее от этой тематики отказаться совсем. Работы по истории церкви также оказались неперспективными: историю русской церкви осветил Н.М. Никольский, а античное христианство было удачно освоено Рановичем, который, к тому же, не всегда положительно характеризовал даже популяризаторские работы Дмитрева⁹. Поэтому обращение к теме рабских восстаний в поздней античности было сравнительно поздним и вполне сознательным: с устройством в Сталинградский педагогический институт на кафедру истории древнего мира и средних веков в 1936 г. Дмитрев начинает осваивать новую тему, в которой переплелись многие из его прежних наработок и проявились уже складывавшиеся особенности его творчества.

Стиль письма Дмитрева сложно назвать высоколитературным, но он в некотором роде может быть характеризован как эмоциональный, если подразумевать под этим сгущение красок. В его статьях, особенно 1940-х годов, многократно повторяются слова «страшный» и «тяжелый» при характеристике бед Римской империи, дополняясь сочетаниями вроде

⁶ В монографии сказано так (видимо, на основе автобиографии, в которых тогда стремились обходить неудобные вопросы): «После Октябрьской революции 1917 г. он преподавал в преобразованных из гимназий советских трудовых школах и одновременно состоял инструктором Отдела Народного образования в Одесском округе» (с. 13). Напомним, что до 1920 г. Одесса переходила из рук в руки и советская власть там была только в январе–марте 1918 г.

⁷ Можно, правда, предположить и то, что они были знакомы раньше (оба жили в Киеве одновременно в 1908–1912 и 1922–1923 гг.), а во время пребывания Дмитрева в Москве (1932–1936) Ранович мог предложить ему написание антирелигиозных брошюр. После смерти Ф.И. Успенского в 1928 г. византиноведение находилось в тяжелейшем состоянии, и в этой сфере Дмитреву искать было нечего. См. *Vodnajuk* 2010, 10–11; *Medvedev* 2000, 37.

⁸ Дмитрев, А. *Кровавый навет и христианская церковь*. М., 1932. С. 5–6.

⁹ См., например, письмо Рановича Дмитреву, без даты, вероятнее всего, от 1940 или 1941 г.: *Klyuev, Metel'* 2018. Выражаем благодарность А.И. Ключеву и О.В. Метель за разрешение использовать сборник, который пока находится в печати.

«жестокий кризис», «смертный бой», «свирепые гонения»; режим империи непременно характеризуется как «военный», «свирепый» или «террористический»; местное население испытывает к римлянам «непримиримую ненависть», а повстанцы, которые могут сопротивляться жестокой власти десятилетиями или даже столетиями, ведут «партизанскую войну»¹⁰.

Дмитреву и на этот раз оказалось нелегко добиться своей цели: война прервала его изыскания, он потерял все имущество и библиотеку, но смог в 1943 г. в Саратове защитить кандидатскую диссертацию (с. 47). В 1948 г. умер Ранович, который вначале был избран научным консультантом¹¹, но докторская была защищена уже в 1950 г., более того, планировалось и создание обобщающей монографии. А после происходит главный поворот: умирает Сталин, а через несколько лет «революция рабов», и без того становившаяся периферийной темой, подвергается открытой критике. Поздние две статьи Дмитрева, опубликованные в «Византийском временнике»¹² отмечены некоторым стремлением (непонятно, больше редакторским или авторским) уйти от литературных и идейных штампов, более широкой аргументацией, и даже более тщательным анализом источников (видимо, сказалась защита докторской диссертации). Но это уже не могло спасти положение: в конце жизни в частных беседах Дмитрев оправдывался за то, что был вынужден тиражировать концепт «революции рабов» (с. 72, 76). Научный капитал его был явно девальвирован¹³.

Конечно, советская историография стремилась давать оценки, которые бы не обнажали так явно зависимость между судьбой ученого и изгибами «линии партии», поэтому сочувственно приведенная Казаровым взвешенная характеристика, которую дала Дмитреву З.В. Удальцова, нас сейчас удовлетворить не может¹⁴. Научность — это ведь не только аккуратное прочтение и трактовка источников, но еще и стремление к новому знанию, к преодолению узости угла зрения своей эпохи. Поэтому быть сыном эпохи и только — не лучшая характеристика для историков, литераторов, да и вообще людей, которым важно творческое пространство.

Можно резюмировать наш обзор научной судьбы А.Д. Дмитрева следующим образом: провинциальный ученый, желая сделать карьеру, следует мейнстриму в науке и, чтобы иметь преимущество, сознательно утрирует текущие тенденции. После нескольких осечек эта тактика приносит свои плоды, но только до тех пор, пока поддерживается идеологической инерцией. Можно сказать, что в конце 1940-х — начале 1950-х годов Дмитрева было выгодно печатать в том же «Вестнике древней истории»: он занимал самую радикальную позицию, проговаривал и обосновывал самые яркие стереотипы, родившиеся при панической разработке концепции «революции рабов» еще в середине 1930-х годов, и это фактически позволяло остальным (буквально: всем остальным¹⁵) искать более аккуратные формулировки. При этом несмотря на подготовку и более крупных трудов ни одной книги по истории Поздней империи у Дмитрева не вышло. Начиная с середины 1950-х годов эти «услуги» были уже больше не нужны, и он вновь оказался на периферии.

Наверное, читатель этих строк может почувствовать некоторое разочарование от расказа о судьбе «неудачника». Но для истории науки ценны различные сюжеты, и судьбы «периферийных» авторов, будучи тщательно восстановлены, дают нам в итоге возможность видеть развитие науки более подробно и более сложно. Именно поэтому появление работ, которые ставят целью вернуть фигуры такого рода из грозящего им почти полного забвения, следует только приветствовать.

¹⁰ Dmitrev 1940, 102, 104; 1948, 68, 69, 71; 1949, 79, 81; 1950, 78; 1951, 62, 63, 72; 1956, 121.

¹¹ См. письмо Дмитрева Рановичу от 9 мая 1946 г.: Klyuev, Metel' 2018.

¹² Dmitrev 1952; 1956. Следует указать, что в 1956 г. вышло сразу четыре выпуска «Византийского временника» (8–11) после трехлетнего перерыва, и статья Дмитрева опубликована в первом из них. Иными словами, она могла быть принята в номер еще в 1953 г.

¹³ Деконструкция самых спорных из его построений началась также сравнительно быстро: см. Korsunskiy 1957, 73–75.

¹⁴ Udaltsova 1969, 61–63. Безапелляционная критика Дмитрева означала бы и то, что Удальцовой пришлось критиковать собственные ранние работы, которые отстояли не так далеко от поздних статей Дмитрева (в том числе в прямом смысле публикации в одном издании): ср. Udaltsova 1952.

¹⁵ На наш взгляд, в монографии совершенно напрасно не сказано о критике Дмитрева советскими учеными еще в сталинский период: см., например, Mashkin 1949, 57–61.

Литература / References

- Bodnarjuk, B. 2010: [Life and scientific activity of the historian of Byzantium Alexander Dmitrev]. In: *Pytannja starodavnoi' ta seredn'ovichnoi' istorii', arheologii' j etnologii' (Zbirnyk naukovykh prac')*. [Questions of the Ancient and Medieval History, Archaeology and Ethnology (Collected Papers)]. Chernivci–Vizhnicia. Issue 2(30), 9–14.
- Боднарюк, Б. Життя і наукова діяльність історика-візантиніста Олександра Дмитрева. В сб.: *Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології (Збірник наукових праць)*. Чернівці–Вишніця. 2(30), 9–14.
- Dmitrev, A.D. 1940: [The Bagaudae Movement]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3–4, 101–114.
- Дмитрев, А.Д. Движение багаудов. *ВДИ* 3–4, 101–114.
- Dmitrev, A.D. 1948: [On the question of *agonistici* and *circumcelliones*]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 66–78.
- Дмитрев, А.Д. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах. *ВДИ* 3, 66–78.
- Dmitrev, A.D. 1949: [The fall of Dacia (to the question of the connection between the liberation movements in the Roman Empire and the Barbarian invasions)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 76–85.
- Дмитрев, А.Д. Падение Дакии (к вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров). *ВДИ* 1, 76–85.
- Dmitrev, A.D. 1950: [The rising of the Visigoths on the Danube and the slave revolution]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 66–80.
- Дмитрев, А.Д. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов. *ВДИ* 1, 66–80.
- Dmitrev, A.D. 1951: [The movement of *latrones* as one of the forms of class struggle in the Roman Empire]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 61–72.
- Дмитрев, А.Д. Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в Римской империи. *ВДИ* 4, 61–72.
- Dmitrev, A.D. 1952: [The *scamarae* movement]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronicle]* V, 3–14.
- Дмитрев, А.Д. Движение скамаров. *Византийский временник* V, 3–14.
- Dmitrev, A.D. 1956: [Popular movements in East Roman provinces during the Danube wars of the 3rd century (236–278)]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronicle]* VIII, 97–126.
- Дмитрев, А.Д. Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. (236–278 гг.). *Византийский временник* VIII, 97–126.
- Hidalgo de la Vega, M.J. 2007: The flight of slaves and bands of *latrones* in Apuleius. In: *Fear of Slaves — Fear of Enslavement in the Ancient Mediterranean. Actes du XXIX^e Colloque du GIREA*. Besançon, 325–336.
- Klyuev, A.I., Metel', O.V. (eds.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy [Abram Borisovich Ranovich: Documents and Materials]*. Omsk.
- Абрам Борисович Ранович: документы и материалы. Сост. А.И. Ключев, О.В. Метель. Омск.
- Korsunskiy, A.R. 1957: [The *bagaudae* movement]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 71–87.
- Корсунский, А.Р. Движение багаудов. *ВДИ* 4, 71–87.
- Mashkin, N.A. 1949: [To the question of the revolutionary movement of slaves and *coloni* in Roman Africa]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 51–61.
- Машкин, Н.А. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. *ВДИ* 4, 51–61.
- Medvedev, I.P. 2000: [Some reflections on the fate of Russian Byzantinism: the results of the century]. *Istoricheskie zapiski [Historical notes]* 3 (121), 30–47.
- Медведев, И.П. Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: итоги столетия. *Исторические записки* 3 (121), 30–47.
- Sukhova, N. Yu. 2015: [Teacher and student: letters from 1897–1914, binders of A.A. Dmitrievskiy and N.N. Pal'mov]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary]* 4(12), 164–241.
- Сухова, Н.Ю. Учитель и ученик: письма 1897–1914 гг., связующие А.А. Дмитриевского и Н.Н. Пальмова. *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии* 4(12), 164–241.
- Terrar, T., Richards, D. 2015: Class perspective on classical Chinese and Roman ideology as used in contemporary political theory. *International Critical Thought* V, 378–400.
- Udaltsova, Z.V. 1952: [Popular movements in North Africa under Justinian]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronicle]* V, 15–48.

Удальцова, З.В. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. *Византийский временник* V, 15–48.

Udaltsova, Z.V. 1969: *Sovetskoe vizantinovedenie za 50 let* [*Soviet Byzantine Studies in 50 years*]. Moscow.

Удальцова, З.В. *Советское византиноведение за 50 лет*. М.

Sergey B. Krikk,

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: michabucha@gmail.com

Acknowledgements: Grant of the President of the Russian Federation, No. МД-223.2017.6

С.Б. Крик,

доктор исторических наук, профессор
Омский государственный университет,
Омск, Россия